

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81.373.47

ББК 81-5+83.3

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-61-68>

ЭПИТЕТАЦИЯ СВЕТА И ТЬМЫ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Самара, Россия

Аннотация. Актуальность исследования определяется активным развитием когнитивной лингвопоэтики. Уточняется понятие эпитетации, обращается внимание на ее когнитивный характер, обусловленный блендированием ментальных пространств компонентов эпитетного комплекса. Проведен анализ эпитетации ключевых концептов творчества М. Цветаевой – «свет» и «тьма». В результате проведенного исследования установлено, что тексты М. Цветаевой отличает языковая рефлексия, что находит отражение в устойчивой тенденции к когнитивному перераспределению признаков между концептом и ассоциированным с ним объектом. Эпитетация нередко имеет субстантивную вербализацию. Показано, что логика эпитетации в текстах поэта обусловлена ситуативным выбором атрибутивно-предикативного признака, имеющим значительные расхождения с узуальным словоупотреблением (свет и тьма дополняют друг друга, меняют оценочные смыслы). Применение когнитивно-семантического метода при анализе эпитетации позволяет с новых позиций оценить механизмы метафорообразования.

Ключевые слова: эпитетация, Марина Цветаева, концепт «свет», концепт «тьма», идиостиль, эпитетный комплекс

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетация света и тьмы в текстах М. Цветаевой // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 61–68. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-61-68>

Original article

EPITHETATION OF THE CONCEPTS “LIGHT” AND “DARKNESS” IN M. TSVETAEVA’S TEXTS

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russian Federation

Abstract. The relevance of the research is determined by the active development of cognitive linguistics. The paper clarifies the meaning of the term “epithetation”, draws attention to its cognitive nature, conditioned by the blending of mental spaces of the components of the epithet complex. The analysis of the epithetation of the key concepts of M. Tsvetaeva’s texts - light and darkness - is carried out. As a result of the conducted research, it was found that M. Tsvetaeva’s texts are distinguished by linguistic reflection, which is reflected in a stable tendency to cognitive redistribution of attributes between the concept and the object associated with it. Epithetation often has substantive verbalization. It shows that the logic of epithetation in the poet’s texts is conditioned by the situational choice of the attributive-predicative feature, which has significant discrepancies with the usual word usage (light and darkness complement each other, changing evaluative meanings). The use of the cognitive-semantic

method in the analysis of epithetation allows us to evaluate the mechanisms of metaphor formation from new positions.

Key words: *epithetation, Marina Tsvetaeva, concept "light", concept "darkness", individual style, epithet complex*

For citation: Gubanov, S. A. (2025). Epithetation of the concepts "light" and "darkness" in M. Tsvetaeva's texts. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 61-68. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-61-68>

Введение

Процесс изучения механизмов эпитетации претерпел значительные изменения за последнее время. Как показывает обзор теории эпитетов, ученые склоняются к расширению этого понятия [Булахова, Сквородников, 2017]. Все больше внимания исследователи уделяют не описанию типов эпитетов в языке [Арнольд, 2002], а когнитивным механизмам возникновения метафорических конструкций, содержащих переносный признак [Губанов, 2024a]. Ответом становятся дистрибутивные теории, учитывающие сочетаемостные свойства признаков слов, главным образом прилагательных [Гращенков, Лютикова, 2018], а также когнитивные теории эпитетации [Губанов, 2024b]. Последние, на наш взгляд, представляются перспективными в силу наглядного, детального и концептуально мотивированного анализа процесса эпитетации, включающего в себя атрибутизацию и предикацию.

В свете вышесказанного необходимо отметить актуальность исследования проблем эпитетации с когнитивной позиции. Данный подход объединяет категориальный и дистрибутивный анализ признаков имен, обладает высокой эвристичностью при описании метонимических (регулярных) и метафорических атрибутивных конструкций.

Эмпирическим материалом для анализа эпитетации выступило творчество М. Цветаевой.

Цель настоящей работы – выявление когнитивных оснований эпитетации на основе теории концептуальной интеграции на материале текстов М. Цветаевой.

Гипотезу исследования составляет предположение, что эпитетация как категориальный, когнитивный процесс наделения объекта существенным для него признаком носит ситуативный характер, строится на ассоциативной связи между ментальными пространствами атрибутивного слова и определяемого понятия; эпитетация характерна для творческого почерка М. Цветаевой и составляет его идиолектную черту.

Для проведения исследования были привлечены методы лексикографического, лексико-семантического, компонентного, когнитивного анализа, а также сплошной выборки и статистического подсчета языковых фактов. Методом сплошной выборки было выявлено 118 эпитетных единиц, образующих эпитетные комплексы в сочетании с определяемыми словами «свет» и «тьма» (в прямых основных значениях данных слов в поэзии и прозе; прилагательные *темный* и *светлый* здесь не учитываются).

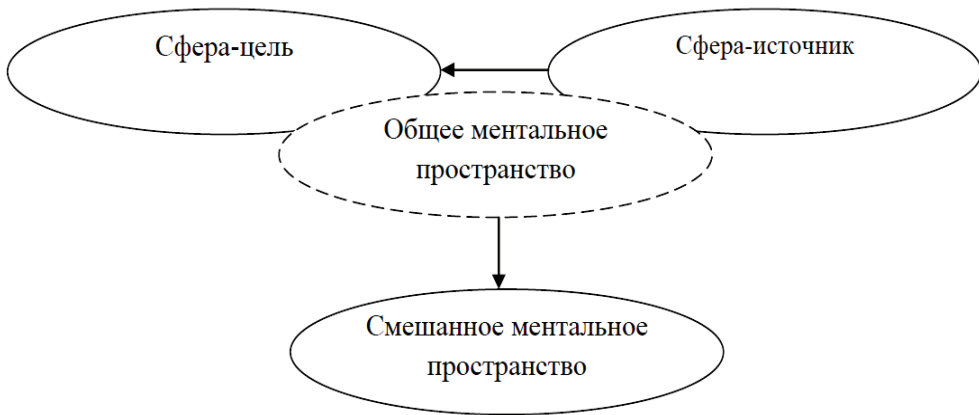
Исследование и результаты

Когнитивные основы эпитетации

Эпитетация представляет собой когнитивное взаимодействие между ментальными пространствами, сферой-целью (определяемое слово) и сферой-источником (признак, выраженный эпитетом), на основе ассоциативного соотнесения совокупности признаков и актуализации, выдвижении одного из них в зависимости от ситуативного выбора. Причины, по которым происходит

такой выбор, связаны с ситуацией общения, стремлением к емкости выражения мысли (в таком случае чаще всего происходит метонимизация признака), а также с индивидуальной интенцией автора текста.

Концептуальная теория интеграции (блендинга) позволяет взглянуть на эпитетацию с позиции ее сущностной природы. Под концептуальной интеграцией учёные понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определённой схеме на различных уровнях абстракции и имеет чёткую структуру, которая включает в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces), или бленд (blend) [Fauconnier, 1994; Fauconnier, Turner, 2006; Sweetser, 2000]. Общее ментальное пространство строится на основе осознания ассоциативной общности двух сфер, смешанное пространство является гибридным результатом наложения пространств (рисунок).

Структура модели когнитивной метафоры в соответствии с теорией блендинга

Как представляется, эпитетация – удачный пример языковой структуры, позволяющей проанализировать когнитивный «переход» признака, его трансформацию.

Идиостилевая специфика текстов М. Цветаевой

Когнитивные исследования текстов М. Цветаевой составляют неотъемлемую часть современного цветаеведения. В классических трудах намечается проблематика изучения механизма эпитета (проанализированы цветочные прилагательные, фольклорные постоянные эпитеты и др.) [Зубова, 1989]. Работы, изучающие ключевые символы творчества М. Цветаевой, также выполняются в русле когнитивной семантики [Акбашева, Радь, 2018; Губанов, 2024а, 2024б; Пименова, Дутбаева, Мошина, 2020; Пушкарева, Ломакова, 2020]. В традициях коммуникативной стилистики текста изучаются текстовые парадигмы, содержащие признаковую лексику [Кабанина, 2017]. Метонимичность мышления и языка М. Цветаевой подтверждается в ее прозе [Крылов, Кучумова, 2020].

О. Г. Ревзиной принадлежит детальное изучение языка поэта и составление «Словаря поэтического языка М. Цветаевой». В одном из томов она предваряет текст словаря статьей, посвященной окказиональному слову поэта. Для настоящего исследования в ней содержится много важных выводов относительно идиостилевого отношения к слову. Главное утверждение учено-

го – конструкция с прилагательным в аппозитивном высказывании (*Рай-город*) «балансирует между атрибутивным и предикативным употреблением» [Ревзина, 1998, с. 29], это и топоним, и метонимическое обозначение жителей города. Такая «семантика свободы», по выражению Цветаева, обусловлена установкой поэта на постоянный поиск нужного слова для выражения своего понимания реалии, поэтому эта окказиональность языка выступает не нарушением нормы, а необходимым элементом. «Окказиональное слово возникает в поэтическом языке М. Цветаевой как единственная возможность выражения нужного ей поэтического смысла, поэтому оно не бывает избыточно, но всегда необходимо» [Ревзина, 1998, с. 23].

В прозаических текстах находим немало рассуждений поэта относительно выбора нужного слова и происходящих при этом языковых метаморфоз: «*Повторить себя в словах невозможно; любая же, самая малая, перемена речи – уже не повторение, а преобразование, за которым стоит другая суть*» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 407].

Концепты «свет» и «тьма» в русском языковом сознании

Слово *свет* имеет общеславянское происхождение и встречается во всех славянских языках: о.-с. *svěť (с ё из oi) из и.-е. корня *k'uei-, расширитель t- (*k'uei-t-:*k'uoit-) [Фасмер, 1996, т. 3, с. 575]. «...В этимологических исходах слова “свет” представлены в синтезе семантические компоненты “блеск”, “день”, “зрение”, “цвет”, “мир”, “хороший”, “святость”, обусловившие в дальнейшем его полисемию...» [Григорьева, 2009, с. 65].

Слово *тьма* произошло из общеславянского языка: о.-с. *тъма из и.-е. корня *tem(э)-(:*tm-). В славянских языках оно в основном имеет значение «полное отсутствие какого-либо света, освещения; мрак» [Черных, 2007, с. 276]. Также у слова *тьма* отмечается омонимичное значение – «множество, десять тысяч» (укр. тьма, блр. цьма, словен. тэма «множество», др.-польск. ста – «десять тысяч»), которое считается калькой тюркс. túman «десять тысяч» (на славянской почве гласный ъ после полумягкого t дал ь) [Фасмер, 1996, т. 4, с. 133].

Т. В. Григорьева, анализируя понятия света и тьмы в русском и славянском языках, отмечает, что свет связывается со зрением, познанием (ясным видением), поэтому в культуре оценивается позитивно. Тьма же выступает антонимом свету и понимается как то, что скрывает мир, делает его опасным, а потому ее боятся, стараются избежать, это символ незнания (темный человек), имеет отрицательную оценку. В эмоциональном плане свет – радость, тьма – горе; в этическом отношении свет – добро, тьма – зло; в эстетическом плане свет – прекрасное, тьма – безобразное; в религиозном сознании свет – Бог, тьма – Дьявол, в гносеологическом отношении свет – символ познания, тьма – незнания; в онтологии свет – рождение, тьма – смерть [Григорьева, 2006, 2009].

Специфика эпитетации концептов «свет» и «тьма» в идиостиле М. Цветаевой

Языковое употребление рассматриваемых концептов с прилагательными отражено в словаре эпитетов. Семантика эпитетов света дифференцирована на общую характеристику света с позиции его яркости, цвета, температуры (*горячий, тонкий, чистый*) и на его определение с точки зрения впечатления, психологического восприятия света, воздействия на чувства, где активны метонимические эпитеты *задумчивый, ласковый, ленивый, молчаливый, угрюмый, щедрый* и др. [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 392–393]. Тьма имеет 45 определений без дифференциации значения [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 470],

мрак как ее синоним – 49 эпитетов (определение слова не дано, понимается как тьма) [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 252].

Свет употребляется в поэзии М. Цветаевой в значении «лучистая энергия, воспринимаемая глазом» (*немеркнущий свет*) или «источник освещения» (*лунный, месячный, свет фонаря*) (85 эпитетных комплексов). Не рассматривались значения слова *свет*: «мир», «круг лиц» и как обращение к человеку.

В текстах М. Цветаевой свет приобретает новые признаки на основе ассоциативного сближения света со следующими сущностями:

а) человеком: «**Руки: свет и соль**» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 118]; «*Свет – это только веко // Над хаосом...*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 206]; «*Свет – это только плоть!*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 206];

б) натурфактом и/или артефактом: «**Лес: сплошная маслобойня** // *Света: быстрое, рябое...*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 270]; «*Здесь свет, попирающий цвет*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 145]; «*Цвет, попраный светом. // Свет – цвету пятою на грудь. // Не в этом, не в этом ли: тайна, и сила и суть // Осеннего леса?*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 146];

в) меронимами: «*Свет, – это только счет...*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 206]; «*Свет, – это только вес*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 206];

г) философским понятием: «*Свет: некая милоть, // Наброшенная сутью*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 206].

Эпитетация имеет субстантивную вербализацию. Свет многовекторно ассоциируется с положительным началом, добром, человеком как его носителем, причем выбираются сущности, знаковые для «опознания» субъекта: руки, глаза (веко), сам человек, его плоть. Как видно из этого перечня концептуальных областей, послуживших источниками метафоризации света, предикативная и атрибутивная функции эпитета нераздельны, двоеточие и тире указывают на единство разнопорядковых сущностей. Изобретение окказионализма *милоть* актуализирует невыразимое значение, нашедшее свое воплощение в обозначении савана, добра, сброшенного природой.

Прилагательное *светлый* употреблено в поэзии М. Цветаевой 38 раз, имея значение «бледный, не темный», хотя не менее часто употребляется данный эпитет в значении «радостный» (28 единиц), однако оставим это производное значение за рамками описания. Обращают на себя внимание эпитетные комплексы *световое око* (Я) и *световое железо* (солнечный свет), содержащие ассоциации света и глаза человека, света и железа, силы. Кроме того, поэт конструирует сложные окказиональные эпитеты *светло-надменный* (о княжне) и *светло-немудрый* (о человеке, оставившем свет в жизни).

В прозе свет ярче всего представлен в эссе «Световой ливень», «Искусство при свете совести». Первое посвящено Б. Л. Пастернаку: «*Пастернак: растрата. Истекание светом. Неиссякаемое истекание светом*» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 235]. Эпитетация вновь предикативна, субстантивна, строится на ассоциировании личности человека и света как источника жизни, открытости миру.

Во втором эссе свет связывается с искусством: «*...произведение искусства – то же произведение природы, но должествующее быть просвещенным светом разума и совести*» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 347].

В эссе «Поэт о критике», рассуждая о свете и тьме, М. Цветаева пишет о черни, понимаемой ею так: «*Грех не в темноте, а в нежелании света, не в непонимании, а в сопротивлении пониманию, в намеренной слепости и в злостной предвзятости. В злой воле к добру*» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 290].

Свет воспринимается поэтом как средоточие сущности мира, однако тьма и свет – не полные противоположности: намеренное нежелание видеть свет, познавать, мыслить приводит к тьме, слепоте.

Тьма употребляется в поэзии М. Цветаевой в значении «отсутствие света, мрак». В составе эпитетных конструкций нами зафиксировано 33 контекста; за скобками оставляем семантику темных, враждебных сил, далеких, давних времен и множества.

Тьма мыслится как отсутствие, пустота: «*И вот, весь холод тьмы беззвездной // Вдохнув – на самой мачте – с краю...*» [Цветаева, 1994, т. 1, с. 523].

Признак пустоты дублируется, уточняется через эпитетацию времени признаками совы, ночной птицы, мглы, синонима тьмы и самой тьмы: «*Совы – час, мглы – час, тьмы – // Час...*» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 211].

Тьма ассоциируется со страстью: «*Стклом-звоном, тьмой-страстью*» [Цветаева, 1994, т. 3, с. 339].

В прозе тьма приобретает амбивалентный смысл, оставаясь воплощением небытия и зла. В письмах А. Вишняку «Флорентийские ночи» находим: «*Да. Вы добрый. Вы ни враг, ни соучастник. Товарищ. В Вас – ничего сумеречно. Всё – тьма*» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 472].

Сумеречное расценивается как промежуточное, нецельное, тогда как тьма – небытие, источник нового.

В автобиографической прозе читаем: «*...Не тьма – зло, а тьма – ночь. Тьма – все. Тьма – тьма. В том-то и дело, что я ни в чем не раскаиваюсь. Что это – моя родная тьма!*» [Цветаева, 1994, т. 4, с. 46].

Субъективный мир незаменим, и тьма тоже уникальна, она родная. Такие парадоксальные эпитеты тьмы характерны для прозы М. Цветаевой, где поэт размышляет о существовании, мире, рефлексии над словом.

Прилагательное *темный* в поэтическом языке употреблено 41 раз в значении «лишенный света, погруженный во тьму» и 45 раз с семантикой «по цвету близкий к черному, не светлый» (второй тип эпитетов использован выборочно). *Темный* приобретает значение «заброшенный» (*дом темен*), «страшный» (*темная ночь*) и др.

Заключение

В качестве итога необходимо отметить, что для анализа эпитетации наиболее плодотворным представляется когнитивный подход на основе теории блендинга. Он способствует раскрытию механизма и причин «вхождения» признака в несвойственную ему концептуальную область. Тексты М. Цветаевой отличает особое внимание к слову, что составляет необходимую творческую установку для точного выражения мыслей и чувств, следствием чего является окказиональная эпитетация. На примере эпитетации света и тьмы, антонимических по своей природе концептов, установлено, что в идиолекте М. Цветаевой данные смыслы претерпевают изменения: этому способствует когнитивная основа эпитетации. Эпитетация нередко имеет субстантивную вербализацию. Ситуативный выбор атрибутивно-предикативного признака происходит на основе свободного ассоциирования признаков порядковых объектов, мотивация которого оправдывается контекстом.

Список источников

Акбашева А. С., Радь Э. А. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой: «триединство звука, слова, смысла» // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 51. С. 84–95.

Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык*. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.

Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. № 2 (9). С. 122–143.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Л.: Наука, 1979. 567 с.

Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // *Rhema*. 2018. № 4. С. 9–33. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>

Григорьева Т. В. Свет и тьма: языковая личность концептов. Уфа: БашГУ, 2006. 140 с.

Григорьева Т. В. Языковая жизнь концептов «свет» и «тьма» (на материале русского языка) // *Вестн. Московского гос. лингв. ун-та*. 2009. № 570-1. С. 62–75.

Губанов С. А. (а) Эпитетация любви в текстах М. Цветаевой // *Неофилология*. 2024. Т. 10, № 2. С. 326–333. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333>

Губанов С. А. (b) Страсть как объект эпитетации в текстах М. Цветаевой // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2024. № 1 (52). С. 58–68.

Зубова Л. В. *Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 264 с.

Кабанина О. Л. Текстовые парадигмы антонимического типа как отражение поэтической картины мира М. И. Цветаевой // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та*. 2017. № 3 (180). С. 126–131. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-3-126-131>

Крылов В. Н., Кучумова М. О. Метонимия в структуре прозы М. И. Цветаевой // *Вестн. Томского гос. ун-та. Серия: Филология*. 2020. № 68. С. 267–279. <https://doi.org/10.17223/19986645/68/13>

Пименова М. В., Дутбаева С. С., Мошина Е. А. Символика земли в поэмах М. И. Цветаевой // *Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2020. Т. 19, № 3. С. 116–133. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>

Пушкарева И. А., Ломакова А. В. Слово-образ «память» в лирике М. И. Цветаевой 1920 года // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та*. 2020. № 3 (209). С. 124–131. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-3-124-131>

Ревзина О. Г. Оказиональное слово в поэтическом языке // *Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т.* М.: Дом-музей М. Цветаевой, 1998. Т. 2. С. 5–40.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* СПб.: Терра: Азбука, 1996.

Цветаева М. И. *Собр. соч.: в 7 т.* М.: Эллис-Лак, 1994–1995.

Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т.* Т. 2: Панцирь – ящур. М.: Русский язык: Медиа, 2007. 559 с.

Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.

Fauconnier G., Turner M. *Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings*. D. Geeraerts (ed.). Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.

Sweetser E. *Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics*. 2000. № 11 (3/4). P. 305–333.

References

Akbasheva, A. S. and Radd, E. A. (2018). World comprehension by Marina Tsvetaeva: “the triunity of sound, word and sense”. *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 51, pp. 84–95. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/51/8>

Arnold, I.V. (2002). *Stylistics. Modern English language*. Moscow, Flinta, Science, 384 p. (In Russian).

Bulakhova, N.P. and Skovorodnikov, A.P. (2017). Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic). *Ecology of Language and Communicative Practice*, no. 2 (9), pp. 122–143. (In Russian).

Chernykh, P. Ya. (2007). *Historical and etymological dictionary of the Modern Russian language*: in 2 vols. Moscow, Russian Language, Media, vol. 2, 559 p. (In Russian).

Gorbachevich, K. S. and Hablo, E.P. (1979). *Dictionary of epithets of the Russian literary language*. Leningrad, Science, 567 p. (In Russian).

Grashchenkov, P. V. and Lyutikova, E. A. (2018). Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rhema*, no. 4, pp. 9-33. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>

Grigorieva, T. V. (2006). *Light and darkness: the linguistic personality of concepts*. Ufa, Bashkir State University, 140 p. (In Russian).

Grigorieva, T. V. (2009). The linguistic life of the concepts “light” and “darkness” (based on the Russian language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 570-1, pp. 62-75. (In Russian).

Gubanov, S. A. (2024a). Epithetization of love in M. Tsvetaeva’s texts. *Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 326-333. (In Russian). <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333>

Gubanov, S. A. (2024b). Passion as an object of epithetization in M. Tsvetaeva’s texts. *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 58-68. (in Russian).

Fasmer, M. (1996). *Etymological dictionary of the Russian language*: in 4 vols. St. Petersburg, Terra, Alphabet. (In Russian).

Fauconnier, G. (1994). *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge University Press, 190 p.

Fauconnier, G. and Turner, M. (2006). Mental spaces: conceptual integration networks. *Cognitive linguistics: basic readings*. D. Geeraerts (ed.). Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, pp. 303-371.

Kabanina, O. L. (2017). The textual paradigm of antonymy type as a reflection of the poetic picture of the world of the author. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3, pp. 126-131. (In Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-3-126-131>

Krylov, V. N. and Kuchumova, M. O. (2020). Metonymy in the structure of Marina Tsvetaeva’s prose. *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 68, pp. 267-279. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/68/13>

Pimenova, M. V., Dutbaeva, S. S. and Moshina, E. A. (2020). The symbolism of the Earth in the poems by M.I. Tsvetaeva. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 19, no. 3, pp. 116-134. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>

Pushkareva, I. A. and Lomakova, A. V. (2020). The word-image memory in M.I. Tsvetaeva’s lyric poetry of 1920. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3, pp. 124-131. (In Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-3-124-131>

Revzina, O. G. (1998). Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. *Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva*: in 4 vols. Moscow, House-Museum of Marina Tsvetaeva, vol. 2, pp. 5-40. (In Russian).

Sweetser, E. (2000). Blended spaces and performativity. *Cognitive Linguistics*, no. 11, pp. 305-333.

Tsvetaeva, M. I. (1994-1995). *Collected works*: in 7 vols. Moscow, Ellis-Lak. (In Russian).

Zubova, L.V. (1989). *Poetry of Marina Tsvetaeva: linguistic aspect*. Leningrad, Leningrad University, 264 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Губанов Сергей Анатольевич – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры филологии, gubanov5@rambler.ru

Information about the Author

Sergey A. Gubanov – Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Department of Philosophy, gubanov5@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.